

На правах рукописи

Боровкова Анастасия Андреевна

**ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Агапова София Григорьевна

Официальные оппоненты:

Левицкий Андрей Эдуардович, доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В.
Ломоносова» / кафедра лингвистики, перевода и межкультурной
коммуникации, профессор

Котова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
федерации» / кафедра иностранных языков и речевых коммуникаций,
профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
университет», г. Майкоп

Защита состоится «16» ноября 2018 г. в 10.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г.
Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
<http://hub.sfedu.ru/diss/announcements/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В данном диссертационном исследовании освещается проблема интерперсональных взаимоотношений автора, рассказчика, персонажа и читателя как прагматического фактора смыслообразования в художественном повествовании.

В современной языковедческой теории стабильно проявляются тенденции к исследованию прагматической специфики процессов создания и интерпретации художественного повествования в аспекте его интерперсональной организации и, следовательно, смыслопорождения.

Актуальность данной диссертационной работы обусловливается единством трех основных гносеологических обстоятельств:

- интересами современной теории языка к проблематике, связанной со спецификой репрезентации речи и мыслей рассказчика и персонажа в условиях художественного повествования;
- необходимостью системного анализа интерперсональных контактов между рассказчиком от первого и третьего лица и читателем;
- значимостью выделения речевых конвенций взаимодействия персонажей, актуальных для гомо- и гетеродиегетического повествования.

В этой связи актуальным является лингвопрагматическое исследование интерперсональных взаимоотношений субъектов художественной коммуникации как фактора формирования смысла в повествовательном тексте.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время в языкознании наблюдается усиление интереса исследователей к проблеме индивидуально-личностного начала изучаемых явлений. Лингвистика текста и прагматическая стилистика обеспечивают действенный аналитический инструментарий для многомерного анализа повествования как результата взаимодействия субъектов художественной коммуникации. При интеграции сфер когнитивно-прагматического анализа в современных языковедческих исследованиях определенную значимость приобретают следующие тенденции:

- контекстуальное использование языковых форм, деавтоматизирующих читательское внимание в художественном повествовании [Гаврилова, Малычева, 2001];
- определение контекстуальных условий, вследствие которых адресат повествования воспринимает авторскую модель воспроизводимых состояний персонажа как реальных событий [Салтымакова, 2013 (а), 2013 (б)];
- субъективное миропонимание, отражаемое в тексте, проливает свет на те интерперсональные представления и ценности, которые проявляются в тексте и коммуницируются читателю [Столетов, 2009].

Теоретики проблемы художественной коммуникации в языке прозы указанные тенденции побуждают акцентировать исследовательское внимание на проблеме интерперсональных отношений как прагматическом способе формирования смысла в рамках повествования.

Интерперсональность выявляет значимость субъекта высказывания и субъекта оценки в неявном озвучивании субъективных перспектив персонажей, порождающих интерперсональные отношения между субъектами художественной коммуникации.

В диссертационном изыскании предпринимается попытка многомерного анализа языковых и речевых средств, объективирующих интерперсональный контакт между субъектами художественной коммуникации как фактора порождения неявных смыслов в повествовании, а также совмещения аналогичных / конфликтующих оценок в процессе порождения повествования. Мы подчеркиваем исследовательскую важность установления субъективных перспектив в повествовании для выявления того, как коммуницируют персонажи между собой, каким образом осуществляется общение между рассказчиком, персонажами и читателем.

Представленная проблематика освещается в нашей работе посредством уточнения форм повествования и дискурса, реализуемых участниками художественной коммуникации, а не самих субъектов коммуникации. Этот ракурс исследования основывается на понимании художественного повествования в большей степени как функции текста, нежели выражения субъектно-объектных отношений (более подробно см. [Поповская, Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе [Текст] / Л.В. Поповская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 510 с.]). Под «формой повествования и дискурса» мы понимаем инициацию оценки с опорой на определенные лингвистические маркеры и перспективу изложения событий (от первого, второго и третьего лица).

Указанные формы, в свою очередь, являются основой выражения точки зрения в повествовании, каждое из которых манифестируется различными формами, выполняющими разнообразные функции. Некоторые сегменты повествования задают событийные координаты излагаемых событий, другие – включают в себя диалоги персонажей или обеспечивают читателю доступ к эмоционально-волевой сфере того или иного персонажа. Мы говорим о формах повествования и дискурса, а не о факторе рассказчика в повествовании, поскольку это дает нам возможность избежать признания того, что источником инициации любого повествования выступает рассказчик, сосредоточиться на способах конструирования повествования, а не на событийной перспективе изложения событий («кто» совершает «что»).

В реферируемом диссертационном исследовании освещается проблема интерперсональных взаимоотношений автора, рассказчика, персонажа и читателя как прагматического фактора смыслообразования в художественном повествовании.

Объектом исследования являются системные интерперсональные взаимоотношения между автором, рассказчиком, персонажем и читателем.

Предмет исследования – языковая и речевая организация интерперсональных отношений между субъектами художественной коммуникации, предопределяющая формирование и интерпретацию неявных смыслов в повествовательном тексте.

Материалом для исследования послужили прозаические тексты классических и современных англоязычных авторов, в которых обнаруживается рассказчик от первого и третьего лица (И. Макьюэн, Д. Бартельми, В. Вулф и др.). Методом сплошной выборки выявлено более 3500 фрагментов художественного повествования, в которых системно проявляются интраперсональные характеристики персонажей, их субъективные перспективы видения реальности, маркируемые лексическими и синтаксическими средствами и проливающие свет на интерперсональные взаимоотношения субъектов коммуникации.

Целью данной диссертации предстает изучение интерперсонального взаимодействия автора, рассказчика, персонажа и читателя как прагматической основы формирования смысла в художественном повествовании.

Достижение заявленной в диссертации цели потребовало решения следующих **задач**:

- 1) выявить интраперсональные факторы, которые определяют субъективную перспективу видения окружающей действительности, характерную для персонажей в художественном повествовании;
- 2) детализировать интерперсональные взаимоотношения между персонажами в художественном повествовании;
- 3) проанализировать лексические маркеры с оценочной семантикой, которые предстают средством выражения интерперсональных отношений между субъектом оценки и персонажем;
- 4) охарактеризовать синтаксические средства установления интерперсональных отношений между персонажем и читателем;
- 5) проследить специфику синтактико-стилистических средств установления интерперсональных отношений между рассказчиком и читателем в гомодиегетическом повествовании.

Методологическая база диссертационного изыскания.

Общефилософское измерение методологии диссертационной работы основывается на концептуальных для современного языкознания положениях, разработанных такими теоретиками, как:

- М. М. Бахтин: художественная коммуникация инициируется рассказчиком, обладающим прерогативой в избирательном освещении виртуальных событий. Рассказчик рассматривается как выразитель идей автора и наделяется способностью предоставлять право говорить другим персонажам, которые по его воле оказываются задействованными в повествовании [Бахтин, 2002];

- Т. Якоби: взаимодействие автора и читателя протекает в художественном повествовании в форме интеракции между рассказчиком («имплицитным автором») и субъектом восприятия повествования [Jacobi, 1987];

- У. Эко: модель читателя, как и читательская интерпретация повествования в концепции художественной коммуникации занимает приоритетную позицию [Эко, 2005];

● М. Флудерник: в лингвистическом плане имплицитный автор манифестируется в качестве коммуникативного партнера читателя, как виртуальный конструкт, выводимый из значений и смыслов текстовых элементов [Fludernik, 2009];

● Ж. Женетт: типология рассказчика базируется на соотношении манеры повествования и виртуального универсума, запечатленного в повествовании [Genette, 1980].

Общенаучное методологическое основание диссертации системно проявляется в использовании единства таких шести парадигмальных принципов гуманитарного знания, как:

● междисциплинарный характер языковедческого исследования: теория языка опирается на научные достижения в смежных науках и частных отраслях гуманитарного знания;

● экспансизм: выявление устойчивых корреляций между языком и знаниями с опорой на динамическое «размывание» границ лингвистической науки и установление нового объекта и предмета анализа;

● антропоцентризм: рассказчик повествует о событиях, исходя из индивидуальной перспективы, точки зрения в терминах личностного взаимодействия с разворачиваемыми событиями и персонажами, участвующими в этих событиях;

● функционализм: в художественном повествовании язык и речь – как и рассказчик – выполняют самые разнообразные функции;

● экспланаторность: языковедческое научное изыскание нацелено, в том числе, на объяснение специфики читательского восприятия художественного повествования;

● принцип гомеостаза: порождая художественный текст, автор стремится к поддержанию внутреннего равновесия между используемыми средствами и коммуникативными потребностями.

Частнонаучные методологические принципы диссертационной работы базируются на теоретических концепциях художественного повествования как функции текста [Поповская, 2006]; художественной коммуникации как формы манипулирования читательскими интерпретациями [Борисова, 2012]; актуальности синтаксического, семантического и прагматического измерений в процессе анализа частного семиотического объекта [Голякова, 2006]; читательского осознания повествования в аспекте когнитивных параметров реального мира [Гончарова, 2013]; уподобления читательского воссоздания образа субъекта повествования образу реального собеседника в условиях повседневной коммуникации [Котельникова, 2012].

Цель и задачи диссертационной работы предопределили применение комплексной **методики** языковедческого анализа собранного фактического материала: она наряду с базовым интерпретативным методом, который нацелен на выявление специфики интерперсонального контакта субъектов художественной коммуникации, одновременно предполагает такие основные для современной теории языка познавательные методы, как стилистический

анализ повествования, индукция и дедукция, а также анализ категорий прагматического отношения субъекта оценки к предмету оценки, разработанный в рамках аксиологической лингвистики.

На защиту выносятся следующие положения диссертации.

1. В художественном повествовании читательское внимание сосредоточивается на тех интраперсональных факторах, которые отрицают саму возможность для персонажа вписаться в окружающую действительность, определяют экстраординарный характер его субъективных перспектив. При этом изоляция от окружающей действительности оказывается доминирующим фактором, обуславливающим подобные субъективные перспективы. К данным факторам мы относим финансовую независимость персонажей, их возраст, наличие физических изъянов, неспособность адаптироваться в социальном сообществе, недостаточную культурно-языковую компетенцию, трудности во взаимодействии с другими персонажами, субъективное восприятие времени и избирательный выбор событий для сохранения в долгосрочной памяти.

2. В художественном повествовании интерперсональные отношения между разнообразными перспективами видения реальной действительности в персонажной сфере повествования проливают свет на субъективный характер отдельно взятой перспективы, предполагают объективацию в повествовании множества повествовательных перспектив, в том числе, читателя. В процессе интерперсонального контакта персонажи:

- достигают – с опорой на сдвиг во времени – полного понимания субъективной перспективы другого персонажа, приобретая новые знания и принимая иное мировосприятие;

- сталкиваются с недопониманием субъективных перспектив друг друга, вследствие несходных мировоззрений и заблуждений по поводу реальности;

- проявляют отсутствие понимания субъективной перспективы другого персонажа, испытывая одиночество и сознательно избегая любых контактов с другими, а поэтому отрицая всякую возможность существования иного мировоззрения.

3. Лексические оценочные маркеры (прилагательные, существительные, глаголы и наречия) актуализуются в прямом дискурсе персонажа и косвенном дискурсе персонажа, в рамках которого комбинируются оценки, исходящие непосредственно от субъекта оценки и персонажа. Интерперсональные отношения между субъектом оценки и персонажем могут носить:

- унисонный характер, когда оценочные маркеры субъекта оценки и персонажа являются сходными в коннотативном отношении;

- конфликтующий характер, когда оценочные маркеры субъекта оценки и персонажа формируют антонимичные отношения в коннотативном плане.

4. Основой установления интерперсональных отношений между персонажем и читателем предстают синтаксически маркированные структуры, порядок следования компонентов в которых отклоняется от общепринятых грамматических правил. Эти структуры, предполагающие повтор, анафору, аллитерацию, приложение в постпозиции и отсутствие связки, деавтоматизируют читательское внимание на форме повествования. Занимая нестандартную позицию, компоненты предложения реализуют скрытую информацию, проливающую свет на состояние сознания персонажа. Читатель получает непосредственный доступ к когнитивной сфере персонажа. Вставочные конструкции смещают фокус внимания читателя от субъективной перспективы одного персонажа – к перспективе другого персонажа.

5. Основой интерперсональных отношений между рассказчиком и читателем в гомодиегетическом повествовании предстают незавершенные в синтаксическом плане предложения, в которых может отсутствовать как субъект, так и предикат. Для восполнения грамматической незавершенности подобных маркированных структур читатель принимает во внимание предшествующий контекст, с опорой на аллитерацию реконструирует эмоциональный тон повествования. Незавершенные предложения воссоздают ситуацию общения в условиях реальной повседневности, формируя своеобразный контраст между художественным и нехудожественным стилями. Декларативные предложения, сокращаясь до структуры «предикат – дополнение», функционируют как конвенциональные императивные предложения.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые выявлены повествовательные сферы интерперсональных взаимоотношений автора, рассказчика, персонажа и читателя, с опорой на такие понятия как «субъект оценки» и «субъект высказывания». Демонстрируется зависимость неявных смыслов художественного повествования от оценок, выражаемых субъектом оценки, субъектом высказывания и бессубъектной оценочной формой, определены интрасубъективные параметры персонажей, предопределяющие их субъективную перспективу видения окружающей действительности, доказано, что эта перспектива лежит в основе интерперсональных контактов между персонажами, которые трактуются в терминах полного понимания, недопонимания и отсутствия понимания.

На уровне художественной коммуникации впервые определены лексические и синтаксические ресурсы и их функции, которые предопределяют интерперсональные взаимоотношения между персонажем и читателем, рассказчиком и читателем, проанализирована специфика авторского манипулирования читательского внимания при намеренном опущении пространственно-временных факторов повествования, предполагающем исключительное воссоздание голосов персонажей. Предложена типология способов реализации оценки в гомо- и гетеродиегетическом повествовании.

Теоретическая значимость основных результатов диссертационной работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в последующее развитие теории художественной коммуникации, смыслообразующими компонентами которой являются аналогия / конфликт оценок рассказчика и персонажа в рамках одного высказывания, разрушение стандартных моделей построения предложения, отсутствие однозначно выделяемого оценивающего субъекта, размывание границ между повествованием и текстом. Результаты исследования способствуют дальнейшей детализации общей теории читательского доступа к мыслям и эмоциям персонажа, которая основывается на единстве и противоположности иллюзорной и реальной жизни персонажа.

Основные выводы диссертации уточняют прагматические параметры соответствия оценок, выражаемых персонажем, оценкам, реализуемым на уровне повествования. Данное уточнение дает возможность проследить, при каких условиях у читателя, воспринимающего повествование, возникает чувство эмпатии к персонажу, оценка которого актуализуется в несобственно-прямой речи, что, в свою очередь, объективирует проблему *кто и как говорит?* в рамках нашего анализа художественного повествования. Предпринятое диссертационное изыскание углубляет знания о стадиях установления интерперсонального контакта между читателем и размышляющим рассказчиком, который временно отсутствует в повествовании, о прагматических возможностях гомодиегетического повествования приобретать характеристики повествования гетеродиегетического.

Практическая ценность диссертационного изыскания состоит в том, что основные результаты и собранный практический материал могут быть задействованы в процессе дальнейшего прагматического анализа интерперсональных отношений между рассказчиком, персонажем и читателем при манипулятивном посредничестве автора и сопряженной с этим анализом исследовательской и читательской интерпретации неявных смыслов в художественном повествовании, в том числе постмодернистской направленности; в сфере лингвистической прагматики – для проведения исследований, посвященных проблемам соотношения оценочного повествования и инновационных методов комбинирования повествования и дискурса в гомо- и гетеродиегетических текстах, в преподавании стилистики декодирования, когнитивной поэтики, лингвистики текста с учетом перспективных направлений исследования художественного языка и речи.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечивается надёжностью методологической базы исследования, освещением широкого спектра теоретических вопросов в области интерперсональных взаимоотношений субъектов художественной коммуникации, а также репрезентативным объёмом фактического материала.

Апробация работы. Материалы, результаты и выводы диссертации нашли отражение в докладах и выступлениях на научных и научно-практических конференциях различного уровня: «Внутривузовская студен-

ческая Неделя науки ЮФУ» (г. Ростов-на-Дону, 2014), VIII молодежная международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Шаг в будущее: теоретические и прикладные исследования современной науки» (г. Санкт-Петербург, 2015) и отражены в семи публикациях, в том числе в трёх статьях, вышедших в научных периодических изданиях, включённых в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы, заключение, список источников языкового материала (21 наименование), список теоретической литературы, состоящий из 153 наименований на русском и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность изыскания, формулируются его цель и задачи, раскрывается степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет, методологическая база и методы исследования, новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертации, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Прагматические основы исследования интерперсональности в художественном повествовании: формы повествования, образы автора, рассказчика и читателя, конструирование значения / смысла»** излагаются основные положения современной нарративной теории, характеризуются субъекты художественной коммуникации, языковая организация повествования и ее семантический потенциал.

В частности, указывается, что интеракциональная сущность повествования, в свою очередь, подчиняется эстетическому и коммуникативному измерениям. Этим объясняется тот факт, что проблема взаимодействия автора и читателя рассматривается некоторыми исследователями в ключе интеракции между рассказчиком и субъектом восприятия повествования (более подробно см. [Yacobi, T. Narrative Structure and Fictional Meditation [Text] / T. Yacobi // Poetics Today. – 1987. – № 8(2). – P. 335–372]). Взаимодействие субъектов коммуникации в рамках художественного повествования не может быть уравнено с реальными повествовательными практиками, хотя во многом основывается на их закономерностях. Коммуникативный подход выявляет способы читательского постижения повествования. Когда образ рассказчика непосредственно не извлекается из повествования, предстает скрытой категорией текста, читатель самостоятельно конструирует этот образ (с опорой на собственные когниции и представления) с целью смыслового восполнения художественной коммуникации.

Смысловое содержание интерпретируется в художественном повествовании как своего рода функция, производная от интерперсональных взаимоотношений двух сфер: виртуального вымышленного универсума,

порождаемого создателем текста, и реального, рефлекторно воспринимаемого объективного мира [Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – С. 17]. Осознание читателем текстового произведения осуществляется с опорой на воображение и становится прагматическим следствием обнаружения оптимального для трактовки текста диапазона взаимодействий между двумя указанными выше сферами. В художественном измерении повествовательного текста взаимосвязь между воображаемыми и реальными мирами приобретает репрезентационный и / или иллюстративный характер [Герасименко, Н.А. Хронотоп нереального в художественном тексте [Текст] / Н.А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 6. – С. 16], [Кулькина, В.М. Виртуальный мир романов Пола Остера: физическое тело в замкнутом пространстве [Текст] / В.М. Кулькина // Вестник Университета Российской академии образования. – 2014. – № 4. – С. 67].

Образ рассказчика в повествовании способствует тому, что читатель, постигая текст, начинает испытывать те же эмоции, что и автор в процессе создания этого текста. Адресант исходно обладает некоторыми прагматическими установками, в результате реализации которых порождаются образы персонажей и соответствующие нарративные формы. Адресат, в свою очередь, интерпретирует повествование, которое стимулирует к выражению определенных идей и мыслей. При этом те мысли, к которым приходит читатель, не всегда совпадают с теми мыслями, которые предварительно «вложил» в текст автор. Однако сообщение, передаваемое повествованием, всецело предопределяется исходными авторскими намерениями и целями.

Исследование авторского выбора средств воздействия на читателя способствует осознанию способов конструирования значения и смысла в художественном повествовании как целостном речевом произведении, того, почему адресат в процессе постижения повествования испытывает определенные эмоции, проявляет симпатию к тем или иным персонажам, позитивное / негативное отношение к тем или иным событиям.

Во второй главе **«Художественное повествование и дискурс: интерперсональное взаимодействие как фактор смыслообразования»** исследуется интраперсональное измерение субъективных перспектив персонажей, интерперсональные взаимоотношения между субъективными перспективами персонажей, выявляются оценочные лексические, синтаксические и синтактико-стилистические маркеры установления интерперсональных отношений между субъектами художественной коммуникации.

В качестве яркого параметра интраперсонального измерения субъективной перспективы персонажа анализируется, в частности, субъективное время и субъективная память. Так, для персонажей И. Макьюэна время – это прежде всего субъективный опыт постижения

реальности. В зависимости от эмоционального воздействия, которое оказывает данный опыт на персонаж, время либо удлиняется, либо утрачивает свою значимость. Персонаж может также воспринимать время как быструю последовательность событийности, не всегда предполагающую какие-либо существенные события. Субъективность опыта восприятия времени обычно моделируется с опорой на выявление различий между временем, фактически отраженным в повествовании, и действительным **временным** измерением, в рамках которого разворачивается повествование. В текстах И. Макьюэна данные различия носят специфический яркий характер. Субъект повествования описывает события и поворотные моменты в своей жизни настолько детально, что рассказчику может быть приписана особая фрагментарность, предполагающая включение коротких рассказов в текст романа.

В художественной прозе И. Макьюэна актуализуются такие интраперсональные аспекты, которые подчеркивают субъективные ограничения персонажей, выявляют источник или причину их одиночества, неспособности понять других или их нетипичное отношение к окружающей реальности. С целью подчеркнуть субъективный характер воссоздаваемых перспектив видения действительности, И. Макьюэн актуализует такие интраперсональные аспекты, которые маркируют его персонажей как аутсайдеров вследствие наличия у них физических изъянов, возраста или специфики социализации. Проблемы недопонимания и полного непонимания субъективных перспектив, коммуникативное одиночество в персонажной сфере повествования приобретает особую актуальность. И. Макьюэн исследует не только феномен ущербного общения, но также представления о понимании сквозь призму понимания иной субъективной перспективы.

Проблема отсутствия понимания субъективной перспективы другого индивида поднимается в художественном повествовании И. Макьюэна прежде всего в связи с освещением мировосприятия персонажа, испытывающего полное одиночество. Одиноким персонаж не сталкивается с мнениями, интерпретациями или субъективными перспективами других персонажей, а поэтому у них нет действенного стимула для детального исследования своего собственного отношения к окружающему миру. Другими словами, он рассматривает свое собственное восприятие и интерпретацию окружающего мира как единственно «стандартную». Осознание мира как «объективной реальности» основывается на уникальной субъективной перспективе, в рамках которой отрицается всякая возможность существования других перспектив, а поэтому понимание этих перспектив оказывается для одинокого персонажа неразрешимой проблемой.

В большинстве случаев персонаж испытывает одиночество в окружении значительного количества людей, исключая саму возможность контакта с людьми. Одиноким персонажи оказываются неадаптированными индивидами в социальном сообществе. Само одиночество предстает прямым следствием обстоятельств (жизнь в анонимном городе, жители которого погружены в собственные проблемы, отсутствие родственников или

необходимости работать вследствие финансовой независимости). У одиноких персонажей отсутствует потребность в интегрировании в социальное сообщество. Достаточно часто одинокие персонажи избегают любых контактов с окружающими в результате обостренного чувства важности собственной персоны или чувства незащищенности в диалоге с другими. Одиночество, испытываемое персонажами в повествовании И. Макьюэна, с необходимостью не предполагает неспособность персонажей «замечать» существование иных субъективных перспектив. Так, Джун, персонаж романа «Черные собаки», сначала живет одинокой жизнью во Франции, затем – в частной лечебнице; однако она способна признать факт существования иных субъективных реальностей. Джун хорошо известно, что Бернард интерпретирует текущие события в соответствии с присущими ему субъективными ограничениями, а поэтому он рассматривает ее взгляды, исходя из собственной субъективной перспективы. Ср.: (1) “*Bernard thinks I’m a silly occultist...*” [McEwan, 2010: 52]; (2) “*Despite what Bernard says, I don’t actually believe they were Satan’s familiars, Hell Hounds or omens from God, or whatever he tells people I believe. But there is a side of the story he doesn’t care to emphasize*” [McEwan, 2010: 59]. Однако осознание Джун данных фактов не ведет к пониманию Бернарда, поскольку между субъективными перспективами персонажей лежит бездонная пропасть.

Анализ концентрации различных маркеров оценки проливает свет на повествовательные структуры, семантика которых отражает симпатию к персонажу, и специфику тематических структур текста. Определение субъекта инициации оценки выявляет свою исследовательскую действенность при установлении того, из какого источника актуализуются маркеры оценки. Теория оценки, таким образом, обеспечивает функциональные конститuenty (субъект и предмет оценки, оценочный маркер), использование которых приводит к постановке новых исследовательских проблем, а именно ‘откуда проистекает оценка? / что непосредственно оценивается?’ Указанные проблемы получают объяснение с опорой на лексический уровень художественного повествования.

Художественная литература существует в форме текстов. Между объективным и виртуальным миром не обнаруживается прямого соответствия. Однако при отсутствии анти-миметических элементов читатель – в соответствии с конвенциями литературного творчества – рассматривает прямую речь именно как дословное репродуцирование высказываний персонажей. Уровень повествования прослеживается в прямой речи персонажей лишь в исключительных случаях. В художественном тексте, как правило, реализуется противоположная тенденция. Ср.: (3) “*The floor of the bedroom was covered with tangled garments. Jack and Ludens **deplored and pitied** but **did not exactly disapprove of Gilda’s chaos**. They worried about him. Since parting company with the priesthood he could almost be said to **have become demoralized**. Almost, for somehow he remained, and they gave him the benefit of every doubt” [Murdoch, 2000: 4]. В данном случае основой воспроизведения текстового уровня предстает повествовательный уровень, который не*

осложняется какими-либо «внешними» интерпретациями: характеристики, выражаемые на текстовом уровне, репрезентируются, исходя из уровня повествования, но оценочные точки зрения и их языковое оформление принадлежит персонажам. Подобные конструкции, в которых маркеры оценки инициируются от третьего лица, относятся нами к повествованию персонажей, которое оформляется в виде косвенной речи, несобственно-прямой речи, повествовательной речи. В указанных типах речи оценка инициируется исключительно персонажами, что, однако, не всегда отчетливо выявляется. Косвенную речь не во всех случаях можно рассматривать как непосредственную репрезентацию высказываний говорящего субъекта. В противоположность прямой речи в рамках косвенной речи субъект высказывания наделяется возможностью прибегать к собственным формулировкам, осуществлять выбор языковых средств, поскольку главная задача заключается в том, чтобы передать иллокутивный и пропозициональный акты. Другими словами, высказывания и мысли персонажей передаются в рамках косвенной речи с той или иной степенью точности.

Характер маркирования на синтаксическом уровне текста предопределяется порядком следования конstituентов предложения, тем, как осуществляется комбинирование слов с целью передачи определенного значения и смысла. Для того чтобы проиллюстрировать, как порождаются маркированные синтаксические структуры, мы, в частности, обращаемся к рассказу Д. Бартельми «Бишоп» (1982): (4) “(i) *A good movie, Edison, with Spenser Tracy, at eight.* (ii) *He could call his brother in Charleston. He could call a friend in Beverly Hills. He could make a couple of quarts of chilli, freeze some of it.* (iii) *Bishop stands in front of a mirror, wondering why his eyes hurt*” [Bartheleme, 1993: 448]. Между повествованиями, отраженными в сегментах (ii) и (iii), обнаруживаются существенные различия, связанные с той или иной степенью маркированности. В сегменте (iii) маркированные синтаксические структуры отсутствуют. В сегменте (ii) выявляется анафорический повтор, который порождает в повествовании дополнительный смысл, поскольку предопределяет сильную позицию для каждого выбора, потенциально возможного для епископа. В третьем предложении сегмента (ii) вместо релевантного в данном случае союза употребляется запятая, что создает эффект плавности повествования.

Другими словами, форма повествования в сегменте (ii) оказывается маркированной, что, в свою очередь, оказывает воздействие на смысловое содержание данного сегмента. Воспринимая маркированные предложения, читатель улавливает голос персонажа, который находит непосредственное отражение на синтаксическом уровне повествования. Голос персонажа, звучащий на уровне текста, проникает на уровень повествования. Данная ситуация, при которой голос персонажа воздействует на повествование рассказчика, а само повествование совмещает в себе высказывания рассказчика и персонажа, определяется нами как «несобственно-прямое повествование персонажа». В повествовании рассказчика определенный

персонаж несет ответственность за выражаемые оценки, а поэтому в данном случае определяется несобственно-прямая речь.

В сегменте (i) примера (4) мы обнаруживаем еще одну разновидность синтаксического маркирования предложения – отсутствие связи. Читатель информируется исключительно об оценке (*A good movie*), субъект же оценки не указывается. Ср. следующие примеры: (5) “*At twenty minutes to twelve he makes himself a martini. Hideous bouts of black anger in the evening. Then a word or a sentence in the tone she can't bear. The next morning he remembers nothing about it*” [Bartheleme, 1993: 445]; (6) “*On the FM, a program called How to protect Against Radiation Through Good Nutrition. He switches it off. In the morning he remembers nothing of what had been said the previous night*” [Bartheleme, 1993: 445]. Из повествования рассказчика читатель извлекает информацию о ситуациях, связанных с жизненным опытом персонажа, испытывающим временный провал в памяти. В структуре предложений наблюдается гармоничное слияние неполноты и отражения сознания персонажа в момент провала памяти. Во фрагментах (5)–(6) предложения, предворяющие данное состояние сознания персонажа, характеризуются как неполные, в них отсутствует связка. Отсутствие связки, как и опущение структурных компонентов «кто» и «когда», проявляют черты сходства с неполной предложений, отражающих состояние персонажа, страдающего от провалов в памяти.

Перед мысленным взором читателя высвечиваются разнообразные впечатления без привязки к конкретному персонажу, времени и месту событий. В отдельных случаях читатель извлекает информацию исключительно о памяти субъекта или участника события, чье эмоционально-волевое состояние вызвано некоторым действием или обстоятельствами этого действия, отраженных в сочетаниях адвербиального характера. Состояние персонажа прослеживается в структуре предложения, как это наблюдается и в сегменте (ii) примера (4). Опущение связки размывает границы между повествованием и текстом, поскольку порождает неявный сдвиг в повествовательном измерении текста: персонаж озвучивает свои мысли собственным голосом, выявляет читателю свое довербальное состояние сознания. В маркированных предложениях контакт между персонажем и читателем устанавливается, минуя посредничество рассказчика, читатель получает прямой доступ к мыслям и восприятию персонажа. Подобные повествовательные ситуации мы характеризуем как «дискурс персонажа». Поскольку связка опущена, невозможным оказывается решение проблемы, является ли повествование – взятое вне контекста своего функционирования – гомо- или гетеродиегетическим. В рассказе «Бишоп» обнаруживается тесное взаимодействие между этими двумя типами повествования.

На грамматическом уровне повествования маркированность синтаксических единиц не всегда отражает прагматическую сферу персонажа. Например, в повествовании рассказчика оценка проецируется, как правило, не на персонаж, а рассматривается как прагматическое средство

раскрытия мировосприятия, заложенного в текст. Повествование рассказчика оценочного характера неявно проливает свет на общую идеологию текста, внедренное в текст прагматическое отношение к различным персонажам и их действиям. В отдельных случаях оценка, реализуемая на уровне повествования, внедряется в оценку, выражаемую персонажами.

Подобные процессы мы, в частности, наблюдаем в несобственно-прямой речи, несобственно-прямом повествовании персонажа: оценки, выражаемые персонажем, проникают на уровень повествования. В тексте создается следующий прагматический эффект: оценки персонажа начинают соответствовать оценкам, реализуемым повествованием. Данное соответствие порождает у читателя чувство симпатии к персонажу или персонажам, чьи оценки манифестируются в форме несобственно-прямой речи. Несобственно-прямое повествование персонажа, таким образом, представляет собой не столько конвергенцию двух голосов, сколько совмещение уровней текста и повествования.

Синтаксические структуры приобретают маркированный характер за счет опущения тех или иных членов предложения, находящихся в инициальной позиции. Следующий пример свидетельствует, что маркированность может также формироваться за счет опущения связующего средства: (7) *“Hardly a day passes without an announcement of some kind, a marriage, a pregnancy, a cancer, a rebirth”* [Barthelme, 1993: 386–387]. Составные части последней части предложения «спаиваются» без участия связующего средства, что, в свою очередь, обуславливает противопоставление четырех компонентов предложения, и фокус читательского внимания падает на каждый из них в одинаковой степени. В подобном стандартном предложении два последних компонента связываются соединительным союзом, его опущение в данном случае создает эффект потенциального развития списка возможных уведомлений. Если между компонентами предложения вставить соединительный союз *or*, то каждый из этих компонентов выдвинется в сильную позицию текста. Ср.: (8) *“Hardly a day passes without an announcement of some kind, a marriage or a pregnancy, a cancer or a rebirth.”* Если же придерживаться стиля повествования Д. Бартельми, автора анализируемого текста рассказа, то можно вообразить следующую структуру: (9) *“Hardly a day passes without an announcement of some kind. A marriage. A pregnancy. A cancer. A rebirth.”* Тот факт, что компоненты предложения не организуются как альтернативные, взаимоисключающие понятия, создает у читателя чувство тривиальности: субъект оценки проявляет полное безразличие к тому или иному перечисляемому событию, поскольку все они вызывают беспорядок в системе. Таким образом, маркированность – это не только возможность акцентировать читательское внимание на том или ином текстовом сегменте, но и способ внедрить в высказывание дополнительные неявно выражаемые смыслы.

На уровне художественного повествования интраперсональные аспекты получают раскрытие в контексте, в котором субъективность

контрастирует с иным мировосприятием, иной культурой. (Например, персонажи находятся в инокультурном окружении, обществе, для которого характерны иные морально-нравственные ценности). Аспекты субъективного переживания времени и субъективной памяти задействуются не только для раскрытия моделей реальности, характерных для персонажей, но и в целях передачи эмоционального напряжения субъекта повествования, конструирования корреляций между формой и содержанием, которые отражают субъективное эмоционально-волевое состояние рассказчика.

Несмотря на одиночество многие персонажи обладают определенными знаниями о существовании иных субъективных перспектив на окружающую действительность. Некоторые персонажи знают только о своей «субъективной реальности» и обнаруживают «трещину» в субъективной конструкции реальности, когда осознают, что существуют иные модели реальности. Другие одинокие персонажи, не обладая воображением, стыкуют свой жизненный опыт с собственной субъективной реальностью с опорой на подавление впечатлений или повторную интерпретацию результатов восприятия окружающего мира.

Персонажи, осознающие существование иных субъективных перспектив, обладают рациональным знанием, в конце концов приходят к эмоциональному пониманию этих перспектив, что может создавать основу для коммуникативных контактов с другими персонажами. Обычно, однако, одинокие персонажи не прилагают усилий, чтобы изменить создавшееся положение дел или адаптироваться к изменившейся реальности. Некоторые персонажи все же не желают менять ситуацию, стремятся скрыть свою «субъективную реальность» от других персонажей, которые потенциально могут ее оспорить. Вместе с тем одинокие персонажи преимущественно игнорируют факт существования иных субъективных перспектив в целях оправдания своих действий. Подобное положение дел проистекает, как правило, из обостренного чувства важности собственной персоны и полного отсутствия интереса к другим персонажам. Следовательно, одинокие персонажи не устанавливают успешных социальных и коммуникативных контактов с другими персонажами вследствие того, что считают себя центром своей «субъективной реальности», в которой все другие индивиды редуцируются до «пассивных статистов», которые в любой момент могут быть отвергнуты, выведены за рамки реальности персонажа за ненадобностью.

Чем больше читатель узнает о действиях и поведении персонажа, тем интенсивнее он выражает понимание, снисходительность, терпение по отношению к образу этого персонажа. Получая доступ к оценкам автора (через уровень текста) и другого персонажа (через уровень повествования), читатель выражает симпатию / антипатию к персонажу, оказавшемуся в фокусе его текущего внимания. Актуализация оценочных маркеров на уровне повествования способствует вовлечению этого персонажа в текстовую ткань произведения, упрочивает его функцию как главного героя в контраст тем персонажам, которые осуществляют оценку его действий и поступков.

Объективация несобственно-прямой речи дает возможность рассказчику создать иллюзию прямого взаимодействия между читателем и персонажем, сознание которого репрезентируется в повествовании. Другими словами, между читателем и персонажем – через посредничество автора – возникает чувство аффективной взаимности. Когнитивные усилия, которые затрачивает читатель на интерпретацию несобственно-прямой речи, «вознаграждаются» рассказчиком посредством установления сокровенного контакта между читателем и персонажем. Вместе с тем, объективируемая в повествовании несобственно-прямая речь усиливает чувство взаимности между читателем и рассказчиком за счет создания иллюзорной дистанции между читателем и персонажем.

Вставочные конструкции, воссоздающие физический контекст, в котором обнаруживается размышляющий персонаж, стимулируют читателя к порождению метарепрезентаций мыслей, которые не озвучиваются рассказчиком, таким образом усиливая чувство взаимности между читателем и персонажем. Эти конструкции также задействуются с целью конструирования иронической дистанции между читателем и персонажем, дают возможность рассказчику репрезентировать мысли, исходя их различных субъективных перспектив, включая свою собственную перспективу.

Широкое использование дискурса персонажа приводит к размыванию границ между гомодиегетическим и гетеродиегетическим форматами повествования. Гетеродиегетическое повествование прерывается мыслями персонажа. У читателя возникает чувство непосредственного доступа к эмоционально-волевой сфере персонажа. В частности, рассказ «Бишоп» является ярким примером балансирования текста между двумя форматами повествования.

Синтаксический уровень представляет разнообразные языковые эффекты на смену повествования в гомодиегетическом тексте. В этом случае подавляющее большинство предложений характеризуются незавершенностью, отражают внутренние размышления субъекта оценки. В проанализированных фрагментах дискурса персонажа субъект оценки не анализирует, не обобщает текущую ситуацию, а фиксирует внутренние события, выстраивая их в логически несовместимую последовательность. Субъект оценки, рассказчик, дает выход своим эмоциям, устанавливая таким образом интерперсональный контакт с читателем.

Читательское осознание смыслов, внедренных в гомодиегетическое повествование, связывается преимущественно с интерпретацией синтаксического уровня текста. Исследование маркированных синтаксических структур обеспечивает читателя доступом к неявным авторским смыслам, фиксирует сдвиг от дискурса персонажа к повествованию рассказчика. Отклонение от синтаксических норм деавтоматизирует читательское внимание на повествовании, предопределяет фокус внимания читателя на том или ином фрагменте повествования. Задаваемый рассказчиком тон повествования усиливается за счет

аллитерации, выдвигающей каждую словоформу, в которой повторяется один и тот же начальный звук, в сильную смысловую позицию. Лексический повтор порождает у читателя чувство бесконечности и бесперебойности отражаемых рассказчиком процессов, протекающих в объективной реальности.

В **Заключении** делаются выводы по проделанной работе и намечаются перспективы дальнейшего анализа смыслообразующего потенциала интерперсональных отношений между автором, рассказчиком, персонажем и читателем в художественном повествовании.

Нами был проведен текстовый анализ разнообразных субъективных перспектив, которые устанавливаются на различных уровнях художественной коммуникации. Избирая в качестве своих персонажей субъектов, занимающих созерцательную, аутсайдерскую позицию по отношению к внешнему миру, автор фокусирует читательское внимание на субъективности их модели реальности, поскольку перспектива видения действительности, характерная для персонажа, системно проявляется в контрастирующем внешнем окружении.

Персонажи лишены знаний о традиционных нормах морали, действуют вопреки этим нормам в экстремальных ситуациях, самоустраиваются от объективной оценки своего поведения. Рассказчик, полагаясь на свою субъективную перспективу, воздерживается от оценки событий, фактов и явлений, что затрудняет интерперсональный контакт между ним и читателем.

Нетипичный характер субъективных перспектив рассказчика и персонажей влечет за собой читательскую неуверенность в попытке установить «внутреннюю истину» художественного повествования, поскольку эта истина не прослеживается в тексте. Автор постоянно напоминает читателю о субъективности каждого акта восприятия и интерпретации действительности, фактически, отказывается обеспечить читателя какими-либо объективными стандартами. И хотя в тексте выявляется некоторая модель реальности, которая служит для читателя точкой референции, эта модель никогда не репрезентируется в качестве единственного допустимого стандарта оценки внешних ситуаций, фактов и событий.

Автор оставляет за читателем право оценивать моральный облик персонажа, таким образом, поддерживая с ним интерперсональный контакт. Он всего лишь в понятной форме изображает особенных персонажей, их нестандартное поведение, которое вызвано пороками и ущербностью современного социума. Читатель, в свою очередь, вступает в конфронтацию со своими собственными ожиданиями относительно действенных моральных стандартов, вынужден признать, что эти стандарты оказываются также глубоко субъективными. Отказ автора обеспечить читателя объективностью изображаемых персонажей и событий, в которых данные персонажи проявляют свою индивидуальность, моделирование субъективных перспектив персонажей формируют прагматическое основание для нетипичности художественного повествования И. Макьюэна, поскольку

именно нетипичность рассматривается читателем как составная часть субъективности персонажей и рассказчика.

Таким образом, можно прийти к заключению, что интерперсональная ценность художественного повествования И. Макьюэна основывается на отсутствии, с одной стороны, морально-нравственных авторских оценок, с другой стороны, поддающейся явному / неявному обнаружению объективности в изображении персонажей. В процессе интерпретации повествования читатель призван задействовать свою субъективность и морально-нравственные ориентиры, поскольку ни персонажи, ни рассказчик, ни выражаемые ими перспективы видения реальности не предлагают каких-либо действенных стандартов оценки и часто даже оспаривают традиционные нормы повседневности. В соответствии с этим можно утверждать, что читательский тревожный опыт постижения повествования И. Макьюэна предопределяется не столько противоречивыми темами и отталкивающими персонажами, сколько тем, что автор последовательно задействует субъективные перспективы на всех уровнях коммуникации с читателем. В плане воздействия на читательское сознание и воображение форма представления повествования оказывается не менее важной, чем содержание. Учет субъективной модели реальности, отражаемой в художественном повествовании, как представляется, является важным параметром исследования специфики интерперсональных контактов между автором, рассказчиком и читателем на материале постмодернистских произведений.

Субъективная перспектива рассказчика в гомодиегетическом повествовании маркируется преимущественно синтаксическими структурами, которые не соответствуют стандартным языковым моделям. Синтаксическая маркированность оказывает конструктивное воздействие на объективацию текстового универсума в художественном повествовании. С опорой на маркированность синтаксические структуры, прежде всего, предопределяют форму повествования: то, что, на первый взгляд, кажется одной формой, на деле оказывается совсем другой формой. Синтаксические маркированные средства изображения внутреннего состояния персонажа воздействуют на повествование рассказчика (ср. анализ рассказа «Бишоп» Д. Бартельми). В результате форма повествования испытывает сдвиг от повествования рассказчика к слиянию этого повествования с повествованием персонажа. В тексте последовательно проявляется несобственно-прямой дискурс персонажа. Другими словами, формы повествования и дискурса анализируются в нашем изыскании не только на лексическом уровне, но и с учетом маркированных синтаксических средств.

В гомодиегетическом повествовании рассказчик выступает одновременно как субъект оценки и субъект высказывания. Эти два субъекта системно выявляются на уровне повествования, поскольку эксплицитно манифестируются местоимениями первого лица. В описательном повествовании рассказчика читатель обеспечивается фактуальной информацией об обстоятельствах протекания ситуации, с опорой на которую

он ориентируется в повествовательном универсуме. Описания могут замещаться диалогами между персонажами или монологом одного персонажа (ср. рассказы Д. Бартельми). В этом случае рассказчик наделяет читателя правом самому воспроизводить образы повествовательного универсума.

Другие тексты содержат детализованные описания прагматических параметров воспроизводимой ситуации. Несмотря на то, что в этих описаниях отсутствуют явно выражаемые оценки, маркированные структуры, читатель все же не рассматривает повествование как объективное. Общей характеристикой всех форм повествования рассказчика предстает тот факт, что передаваемая информация не может озвучиваться конкретным персонажем или конкретными персонажами. Никто из персонажей не несет ответственности за выражаемую оценку. Повествование рассказчика фиксирует ментальные, вербальные или поведенческие аспекты деятельности персонажей, которые обеспечивают читателя доступом к внутреннему состоянию персонажа, испытываемым им чувствам и его оценкам окружающего мира. Маркеры бессубъектной оценки и синтаксическая маркированность не определяют присутствие рассказчика в повествовании, рассматриваются в нашей диссертации как элементы, участвующие в воспроизведении субъективной перспективы, отражаемой в тексте.

Мы предприняли попытку ответить на два взаимообусловленных вопроса:

- как художественное повествование воспроизводится с опорой на языковые структуры?
- как языковые структуры конструируют художественное повествование?

Отвечая на поставленные вопросы, мы пришли к следующему заключению. Повествование предполагает несколько разновидностей – формы повествования и дискурс персонажей. Эти формы повествования и дискурса обеспечивают читателя информацией, необходимой для интерпретации текста, установления интерперсональных отношений с автором, рассказчиком и персонажами.

Основные положения диссертационного изыскания отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Боровкова, А.А. Взаимоотношения “читатель – персонаж” как фактор реализации категории интерперсональности в художественном тексте [Текст] / А.А. Боровкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 1. – 0,5 п. л.

2. Боровкова, А.А. Читатель как собеседник персонажа в постмодернистских текстах Дж. Барнса [Текст] / А.А. Боровкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 3. – 0,5 п. л.

3. Боровкова, А.А. Множественный рассказчик и читатель: прагматические основания установления интерперсонального контакта [Текст] / А.А. Боровкова // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – 0,5 п. л.

Другие научные публикации:

4. Боровкова, А.А. Проблема отражения межличностных отношений в языке. Категория интерперсональности [Текст] / А.А. Боровкова, С. Г. Агапова // Шаг в будущее: теоретические и прикладные исследования современной науки: материалы VIII молодежной международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – СПб: CreateSpace, 2015. – 0,6 / 0,3 п. л.

5. Боровкова, А.А. Стиль художественного повествования в аспекте интерперсонального контакта автора и читателя [Текст] / А.А. Боровкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10–3 (52). – 0,5 п. л.

6. Боровкова, А.А. Интерперсональность художественной коммуникации в повествовательном тексте: автор – рассказчик – читатель [Текст] / С.Г. Агапова, А.А. Боровкова // Общественные науки. – 2017. – № 1. – 0,6 / 0,3 п.л.

7. Боровкова, А.А. Проблема взаимодействия субъектов художественной коммуникации: воображаемый автор – реальный автор – читатель [Текст] / А.А. Боровкова // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 3. – № 3. – 0,5 п. л.